

Когда Су Чэ снова пришел в себя и открыл глаза, он все еще лежал в той самой комнате в Долине Без Прощения.

Су Чэ не сразу сообразил, где находится. Поведа глазами по сторонам, он обнаружил, что рядом с ним, как и прежде, сидит Ду Яо.

Су Чэ охватило замешательство — неужели все, что он пережил до этого, было лишь страшным сном?

Заметив, что тот очнулся, Ду Яо сохранил прежнее невозмутимое выражение лица и лишь сухо спросил:

— Ну как, лоб сильно болит?

Услышав этот вопрос, Су Чэ внезапно ощутил, как вместе с воспоминаниями к нему вернулась чувствительность всего тела. Он машинально потянулся к левому плечу.

— Можешь не проверять. Рана на плече хоть и была затянута с помощью Искусства Марионеток, но шрам все равно остался, — Ду Яо не без иронии добавил: — Поздравляю, теперь ты все большеходишь на настоящего Су Чэ.

Левое плечо действительно больше не болело, но Су Чэ вдруг вспомнил странный вопрос Ду Яо и запоздало почувствовал тупую боль в области лба.

Су Чэ по привычке нахмурился, и стоило мышцам лба прийти в движение, как пронзительная боль ударила в голову. Поскольку лоб находился совсем рядом с глазами, от этой вспышки боли у него едва не брызнули слезы.

— Советую тебе сохранять невозмутимое выражение лица хотя бы три дня, — произнес Ду Яо.

Су Чэ прикоснулся к своему лбу:

— Что вы со мной сделали?

Ду Яо равнодушно пожал плечами:

— Тебе стоит радоваться. Глава секты лично наложил на твой лоб магическую печать. Разумеется, для твоего смертного тела принять печать, начертанную рукой самого Главы, было непросто, но ты ведь знаешь, что он не доверил бы это дело никому другому. Потребуется не меньше трех дней, чтобы печать полностью слилась с твоим телом. Будь осторожен, не задействуй мышцы лба, и тогда боли не будет.

Су Чэ охватила ярость.

Магическая печать — явление, присущее миру совершенствующихся. Для его нынешнего смертного тела появление такой метки было попросту невозможным.

В мире совершенствующихся печати делились на два типа. Первый — врожденные печати, которые чаще всего встречались у буддийских практиков. Их форма и цвет зависели от духовного корня или практикуемой техники.

Обычно у тех, кто обладал водным духовным корнем или изучал водные техники, печать имела форму синей капли, а у обладателей огненного корня — форму ярко-красного пламени.

У мужчин печати были простыми — ромбовидными, овальными или в виде капли, тогда как у женщин они отличались сложными узорами, напоминающими украшения, которые знатные дамы в мире людей наносили на лоб для красоты.

Такие печати проявлялись после того, как практик достигал определенного уровня мастерства, и служили для демонстрации его силы.

Всем известно, что буддийские практики, хоть и не избегали убийств, старались не губить невинных. Убийство ради защиты жизни, а не ради зла — таков был их принцип. Чтобы не провоцировать лишних конфликтов с невеждами или дикими зверями, в обычном состоянии они скрывали свою ауру, порой выглядя как самые обычные люди. Поэтому со временем, достигнув стадии Формирования Ядра, они начали запечатлевать на лбу магические знаки. Это было сродни яркой окраске ядовитых существ в природе — предупреждение всем остальным держаться подальше.

Второй тип — приобретенные печати. Они никак не были связаны с уровнем мастерства и служили лишь клеймом, которым хозяин помечал принадлежащие ему вещи или людей.

Чаще всего такие печати можно было увидеть на редких магических артефактах или сокровищах. Хотя некоторые высшие артефакты можно было привязать каплей крови, большинство не обладало такой функцией, поэтому высокие мастера наносили на них свои метки.

Разумеется, помимо артефактов, такие печати часто ставили на ездовых духовных зверях или марионетках.

Распознать владельца по печати было легко, что избавляло от многих споров.

Конечно, если такая печать появлялась на человеке, это означало, что перед вами либо плененный в бою практик, либо сосуд для парных практик, либо вещь, принадлежащая кому-то влиятельному.

Су Чэ не обладал ни мастерством, ни статусом сосуда. Появление печати на лбу означало лишь

одно: он — всего лишь игрушка Ань Циюаня.

Это клеймо позора ранило его сильнее, чем кровавая дыра, оставленная рукой Ань Циюаня.

Никогда прежде не испытывавший подобного унижения, Су Чэ после осознания случившегося впал в состояние глубокого оцепенения.

С тринадцати лет, когда учитель привел его в секту Цинъян, он был любимым младшим сыном в знатном роду Су. Став последним учеником Главы секты, он обрел столь высокий статус, что даже почтенные старцы, жившие десятки лет, почтительно называли его дядей, а молодежь и вовсе смотрела на него как на предка.

Благодаря таланту единственного водного корня его путь совершенствования был стремительным. Прежде чем он пал с Пика Шаохуа, он никогда не знал, что такое пренебрежение, не говоря уже о подобном позоре.

Су Чэ не мог понять: неужели его прошлая жизнь была настолько безупречной, что даже Небесное Дао не смогло этого стерпеть и обрушило на него Гром Девяти Небес, чтобы он возродился в столь жалком обличье?

Ду Яо, видя состояние Су Чэ, решил его утешить:

— С этой печатью ты можешь ходить по Долине Без Прощения с высоко поднятой головой. Ни у кого из прислужников Главы не было такой чести. При встрече с ним не забудь поблагодарить его.

В глазах Ду Яо печать, наложенная самим Ань Циюанем на смертного, была скорее знаком защиты, нежели позором.

В мире демонических практиков случалось, что слабые просили сильных наложить на них печать, чтобы защитить себя от посягательств других хищников. Разумеется, за это приходилось платить, и зачастую телом. Но такие печати обычно наносили на руку, чтобы их можно было скрыть.

Печать же Су Чэ красовалась на самом видном месте — на лбу. Никто, кроме Ань Циюаня, не осмелился бы на такое. Впрочем, в мире демонов не было никого сильнее Ань Циюаня. Даже если рассматривать весь континент Сюанььюань, после падения Су Чэ Ань Циюань стал первым среди всех.

Чушь собачья!

Су Чэ, всегда гордившийся своей выдержкой, в душе неистово ругался. Даже будучи в теле никчемного смертного, в глубине души он оставался все тем же Су Чэ.

Даже если Небесное Дао втоптало его в грязь, он не собирался унижаться и не позволил бы другим оскорблять себя. Ему не нужна была эта защита, прикрывающая позор. Ему нужны были лишь время и возможность. Пусть это тело не позволит ему вернуться на вершину, но он не останется посредственностью навсегда.

Заметив, что Су Чэ молчит и выглядит вполне адекватно — видимо, жестокость Ань Циюаня не лишила его рассудка, — Ду Яо потерял к нему интерес.

После того как Ань Циюань вышел из состояния одержимости, дел накопилось немало. Нужно было наладить связь с осведомителями в секте Цинъян, подготовиться к тайному проникновению, чтобы найти божественное сознание Су Чэ, да и собственное мастерство, упавшее из-за разрушенного заклęcia, требовало восстановления. У Ду Яо было слишком много забот.

Пока Цин Янь, этот сосуд, жив и пригоден для питания, остальное его не волновало.

Когда Ду Яо ушел, Су Чэ осмотрелся. Служанки ждали за дверью, и, скорее всего, не осмелились бы войти без зова.

Су Чэ скинул одеяло, спустил босые ноги на пол и подошел к зеркалу.

В отражении он увидел себя в прежних лазурных одеждах, волосы вновь стали черными благодаря магии. А на чистом, красивом лбу отчетливо выделялась кристально-белая ромбовидная печать.

Увидев этот уродливый знак, Су Чэ стиснул зубы, а кулаки его сжались так, что побелели костяшки.

Зная, что это глупо, он все же протянул руку и коснулся печати.

Взгляд его потемнел. Он подцепил ногтем край метки, пытаясь силой вырвать ее из своей плоти.

Но печать была наложена самим Ань Циюанем.

Стоило ему лишь нахмуриться, как боль пронзила его, вызвав холодный пот. А теперь, когда он вложил всю силу в попытку содрать клеймо, резкая боль, подобная удару тяжелого молота по голове, обрушилась на него.

В ушах зазвенело, перед глазами поплыло, и Су Чэ без чувств рухнул на пол.

При падении его широкие рукава задели украшения на столе. Грохот упавших предметов

встревожил служанок. Су Чэ, будучи не в силах пошевелиться от боли, услышал их торопливые шаги.

— О небо! Только что, когда уходил мастер Ду, господин был в порядке, почему он снова потерял сознание?

— Сестрица, может, доложим Главе?

Только не это...

Су Чэ отчаянно взмолился про себя. Тело было парализовано болью, но сознание оставалось ясным. Услышав их слова, он был готов умереть от стыда.

<http://bllate.org/book/20774/2084327>